

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ

А. Н. Грибов

Когда Л. Н. Толстой смотрел на сцене Малого театра свои «Плоды просвещения», он хмурился, глядя на трех мужиков: его коробила яркая, сочная, но слишком хлесткая, слишком нарочитая речь актеров, выпячивавших в ней все корявое, грузное, что есть в деревенской речи, отчего оставалось в тени все просто человеческое, что было в словах мужиков. Еще большее страдание доставляли Толстому исполнители Акима во «Власти тьмы»: за его знаменитым «тае... тае», на которое актер устремлял все внимание, потухала вся живая правда и подлинная одушевленность этого крестьянского правдоискателя.

Вспоминая эти впечатления Толстого, я вслушивался в речь молодого актера Грибова, игравшего крохотную рольку одного из мужиков в «Воскресении» Толстого, — одного из тех мужиков, пред которыми кающийся барин Нехлюдов развивает теорию Генри Джорджа. Я слушал речь этого старика и думал: «Как бы порадовался Толстой такой речи народной! Как бы порадовался он, что актер умеет «стать на мужиково место» (выражение самого Льва Николаевича) и оттуда посмотреть на белый свет!»

Мужик у Грибова слушал барина так, как должен слушать, как не мог не слушать мужик всякого барина на всем протяжении крестьянской Руси: с полнейшим недоверием, с глубочайшим убеждением: «мели, Емеля, — твоя неделя». Сквозь корявые слова светился ясный ум, и самая корявость, оказывалось, включала в себя самую здоровую иронию, самую тонкую наблюдательность. При всем этом речь этого мужика из нехлюдовской деревни несколько не пестрила этнографическими подчеркиваниями и фольклорными украшениями.

Прошло немного времени, — и я увидел Грибова в роли Левшина во «Врагах» Горького. Левшин — старый рабочий, но с молодым сердцем. У Левшина очень мало слов, но каждое слово, вопреки поговорке, не слово, а золото. В каждом запечатлен опыт большого страдания и еще большего разума жизни.

Навсегда запоминается одна сцена. Фабрикант Михаил Скроботов смертельно ранен одним из рабочих, кем — неизвестно. Его брат, Николай Скроботов, прокурор, наклонился над умирающим и упорно выпрашивает его: «Ты заметил, кто стрелял?». Старый рабочий Левшин вступает в эту сцену:

— Вы бы не тревожили его в такую минуту! — говорит он прокурору.

Это — человеческая попытка прекратить полицейское бесстыдство перед лицом смерти, это — жалость к умирающему, которому порят «такую минуту»; но это — и нечто другое: Грибов вкладывает в слова рабочего Левшина еще и заботу о братьях по классу: а вдруг умирающий назовет стрелявшего в него рабочего по имени или вспомнит какую-нибудь подробность, которая сделает ясным, кто стрелял?

А. Н. ГРИБОВ в роли Фрола Баева («Земля»).

Раздается бешеный окрик прокурора: «Урядник! Попросите удалиться всех лишних!».

Лишним оказывается единственный человек, затерявшийся среди официальных и неофициальных полицейских!

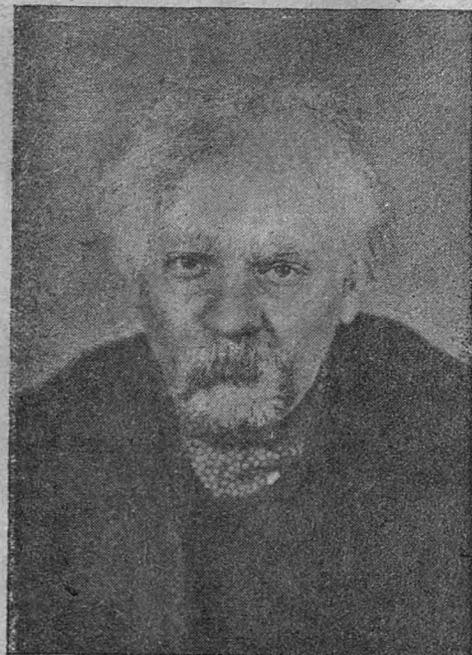
В свою новую роль — крестьянина-середняка Фрола Баева в «Земле» Н. Вирта—Грибов, как в большую картину, вобрал все, что дал раньше в таких превосходных этюдах, как мужик из «Воскресения» и рабочий из «Врагов» *).

Можно с уверенностью сказать: за двадцать лет советского театра вряд ли еще кому-нибудь удалось дать другой, столь же правдивый и превосходный положительный образ крестьянина, как Грибову в роли Фрола.

Во Фроле Баеве живет мужицкая тяга к правде на земле и к правде о земле, — о той черной, тамбовской земле, которую Фрол и его предки пахут столько веков. Но тяга эта, при всей ее искренности, туманна и смутна, как осенний день. «Мы не дураки, мы — темные», — говорит сам Фрол. В вековой темноте слепнут самые острые глаза, и немудрено, что Фрол принимает Антонова, организатора кулацкого восстания, за того человека, который принес на землю «мужицкую правду».

Но у Фрола есть ум, у него есть совесть, он сердцем чувствует ложь. Грибов превосходно показывает, как во Фроле начинает зреть глубокий протест против того кулацкого обмана, который прикрыт эсеровской фразеологией. Фрол чует запах падали, идущий от слов и дел

* Другие роли, сыгранные А. Н. Грибовым: Мигаев («Таланты и поклонники»), Медведев («На дне»), Яша («Вишневый сад»), Собакевич («Мертвые души»), Закатов («Любовь Яровая») и др.

А. Н. ГРИБОВ в роли Левшина («Враги»).

Антонова и его окруженья, Фрол еще ничего не понял, он еще не вывел никаких заключений: умственное переосмысливание того, что происходит, у него еще впереди, — но, как только он учуял кулацкий смрад, он берет в руки палку — и идет искать правду в Москве, в Кремле, у Ленина. Фрол упрям, — он упрям, как его предки, такие же сурмяжные правдоискатели, и это упрямство крестьянина, как подлинно историческую черту, Грибов показывает необыкновенно отчетливо: Фрол идет в Москву пешком, непременно пешком; ему надобно собственными ушами услышать правду от единственного человека, которому он верит, — от Ленина. Мягкий и ласковый Фрол делается суровым, непреклонным, как только он тронулся в свой путь. Но, когда он увидел самодично Ленина, услышал непосредственно от него так горячо искомую правду, — он включил ее в сердце и сразу весь просветлел; он идет теперь не вдвоем с бедняком «Андрей Андреевичем», — он возвращается в свои Дворики втроем: вместе с Лениным, живой образ которого несет в своей душе, а живые слова которого хранит в своей памяти.

Когда Фрол шел в свой правдоискательский путь, он точно нес многопудовую ношу. Забота клонила его к земле. Когда он возвращался в родную деревню, словно крылья несли его. Какая у него улыбка! Какое у него новое лицо! Оно преобразовано теперь мыслью, великим подарком Ленина. Фрол, добывший правду, не знает страха. Ему теперь легка жизнь и не страшна смерть.

«Умрете, как псы, — пророчит он своим учителям из штаба Антонова, — и на ваших могилах люди плевать будут!»

Между «чем был» и «чем стал» у Фрола Баева лежит целая пропасть, такая же глубокая, как между состоянием слепца, погруженного в тьму,

и состоянием того же слепца, внезапно получившего зрение, и через эту глубокую пропасть Грибов проводит зрителя с такой умной уверенностью, что ясен каждый шаг, каждое движение Фрола при переходе через эту пропасть.

Логическое строение образа безукоризненно. Но еще выше его обаятельная жизненность во всем: во внутреннем движении чувства, в еще более внутреннем зарождении мысли, в жизненной повадке, в языке. Той народной речи, которую говорил Фрол у Грибова, ее чистоте и выразительности порадовался бы сам Толстой.

Мягкий юмор Грибова — это подлинно народный крестьянский юмор, которым утеплены и согреты лучшие народные страницы Пушкина и Толстого. Этот грибовский Фрол вызывает в памяти и Савельича из «Капитанской дочки», и одного из мужиков из «Плодов просвещения», и целую толпу деревенских лиц из Глеба Успенского, — он вызывает их в памяти потому, что Грибову удалось понять, почувствовать, полюбить своего Фрола так, как понимали, чувствовали и любили своих Фролов упомянутые великие изобразители народной жизни.

В необъятной галерее образов, созданных мастерами русского театра, наименьшая удача, как правило, постигала всегда образы крестьян. Художественный театр не представляет в этом отношении исключения: «Власть тьмы» была одним из самых неудачных спектаклей театра.

С «Землей» вышло не так: спектакль принадлежит к числу высших достижений театра. Но и среди прекрасных крестьянских образов этого замечательного спектакля образ Фрола, созданный Грибовым, занимает исключительное место: в нем внутренняя правда сочеталась с подлинным драматизмом. Он «светит и греет» всю эпопею о Земле! Это подлинно народный образ.

Молодой артист, впервые появившийся на подмостках в октябрьские годы, А. Н. Грибов со своим Фролом Баевым вышел в первые ряды советских актеров.

С. ДУРЫЛИН.

Рис. Х. Горина.

МХАТ им. Горького, «Земля». Лепка — арт. БЕЛОКУРОВ, Наташа — засл. арт. СТЕПАНОВА.